

ИНТЕРВЬЮ ДАЕТ «ЗВЕЗДА»

Тяни лямку, пока не выроют ямку

У народного артиста России Валерия Золотухина 23 октября во Дворце культуры АЗЛК премьеры. Не спектакля, не композиции — книги. Вот отрывок из этой книги: «30.09.1971. ...Волody, такого затаятого в черный французский вельвет, в облегающий блузон, сухопарого и поджатого, такого Высоцкого я никак не могу всерьез воспринять, отнестись серьезно, привыкнуть. В этом виноват я. Я не хочу полюбить человека, поменявшего программу жизни. Я хочу видеть его по первому впечатлению. А так в жизни не бывает». «Что же за книгу собрался представить публике артист Театра на Таганке?» — мой вопрос Валерию Сергеевичу.

— Сборник называется «Дребезги» — по моей второй повести, первая, если помнит читатель, была «На Исток-речушку к детству моему». Сборник, куда, кроме повестей, вошли рассказы, опубликованные и не публиковавшиеся никогда, составлен по принципу контраста. Как мне кажется, составит интерес повесть «Все в жертву памяти твоей...» — это выбранные места из моих дневников, посвященные Владимиру Высоцкому. Мы вместе с ним проработали в Театре на Таганке 16 лет, и все происходившее каким-то образом попало в поле зрения моих дневников. Самое трудное было решиться на опубликование этих записей, людей живые, и я не знаю, как мои коллеги и читатели воспримут это повествование.

Пушкинская строка вынесена в название, и пушкинское четверостишие стало эпиграфом. Году в 88-м, а может, чуть раньше, бум вокруг имени Владимира Высоцкого был такой, что любое высказывание, которое могло быть истолковано против него, вызывало в ответ бурю откликов зрителей, вал писем с угрозами. Довелось такое испытать и мне, когда после выступления по телевидению меня грозились и убить, и дом сжечь. И было это очень обидно. Может быть, тогда я и решил заглянуть в свои дневники (уже было наработано 50 толстых тетрадей): а что, собственно, происходило тогда, как протекала наша жизнь. Дневники ведь пишутся, пишутся, заглядываешь туда редко, а когда прочтешь, что написано за двадцать лет, то здесь случается огромное количество открытий своего собственного бытия. Моя дневниковая повесть начинается 65-м годом, а заканчивается 85-м, читаешь подряд и видишь, как ме-



няется человек. Вообще ведь это книга про меня.

Я организовал записи в последовательной хронологии, снял арготизмы (назовем их так), обозначил некоторых людей инициалом, вот и вся правка. В этой дневниковой непреднамеренности, фрагментарности, попытке поймать первое впечатление для меня и, надеюсь, для тех, кто познакомится с книгой, есть особая убедительность. Знаете, какой второй эпиграф к этим страницам? Из Василия Васильевича Розанова: «Родила червяшка червяшку. Червяшка поползла. Потом умерла. Вот наша жизнь».

— Да, сколь помнится, этим не слишком-то оптимистичным высказыванием заканчивается ваше предведение к собственным дневникам. А последняя фраза там такая: «Вот это дневниковое повествование, составленное по твоей просьбе, издатель, из строчек, связанных с именем В. Высоцкого, это — моя жизнь». Ну, а теперь скажите: зачем вы собираетесь книгу, выпущенную в год вашего 50-летия «Центром творческих встреч ВТПО «Союзтеатр», представлять во Дворце культуры огромного автозавода?

— Вы знаете, с одной стороны, мне хочется поиграть в книгопродавца (ведь, судя по дневникам, в писателя-то я тоже поначалу играл). Мне пятьдесят, плевков получил в жизни предостаточно, чего бояться-то. Почему бы не посмотреть, что все-таки случится на моем веку.

Ну, а еще есть одна серьезная причина, с которой, возможно, надо было и начать. В 30-е годы в моем родном селе на Алтае была разрушена церковь Покрова Пресвятой Богородице. Мы решили храм построить заново. Отцы — ломали, дети — стройте. А как в наше новое время это можно сделать? В общем, создали мы в селе общину, зарегистрировали, открыли счет. Предполагается, что закладка храма должна будет произойти весной будущего года, года особого, ведь в 1992-м во всем мире отметят 600-летие Сергия Ра-

донежского. Но на 26 сентября на счете общины денег было меньше малого, а нужно до 800 тысяч. Вот я и думаю, что вкладом в казну общины ляжет часть гонорара от издания моей книги: это указано и в ее выходных данных. Мечтается, что рублевый ручеек от моих выступлений среди книголюбов, театралов, от добровольных пожертвований будет стекаться на храм. Поэтому мы распространяем подлинную мною по поручению общины открытку «Миром поднимется храм» с адресом. Вот он: 659650, Алтайский край, п. Быстрый Исток, Агропромбанк, православная община, МФО № 10109, расчетный счет № 700415.

— Валерий Сергеевич, скажите, пожалуйста, о том замечательном прислобье, что вынесено в заголовок интервью. И если уж мы сегодня говорим с вами не об актерском искусстве, а о искусстве словом, не собираетесь ли вы выступать в писательский союз?

— «Тяни лямку, пока не выроют ямку» — это была одна из версий названия книги. Для книги пословица оказалась громоздкой, но мне эти народные афористические выражения очень нравятся. Другая книжка у меня была «Печаль и смех моих крылечек» — разве не замечательно? Крылечки эти самые как начались в моей жизни, так и не кончаются — сначала родительские, на которых я привязанный пел, а потом Театр на Таганке, все сцены, все подмостки, где выступал, все это мои крылечки.

Ну, а что касается писательства, забрал я папку со своими документами, где они с 84-го года лежали. Хотя какую-то важную ступень приема уже прошел. Но теперь в России два союза писателей — бондаревский и еще какой-то альтернативный. Время так жутко раздробилось нас по разным сторонам баррикады, и вот поначалу оказывается, что ты не в той компании был, потом оказывается, что именно в той. А чтоб не попасть ненароком не туда, пожалуй, не пойду ни в какой союз.

Писатели говорят: ты пиши, то, что ты играешь, пройдет, книга останется. А театральные люди по-другому считают: играй, это все напишут без тебя; а так, как ты играешь, не сыграет никто. Такая вот парадоксальная вещь. Кто прав? Знаю одно: театр-то как раз и славен своей легендарностью. Его нельзя посмотреть назавтра.

Интервью взяла
Т. СЕРГЕЕВА.